

золотые медали и дипломы первой степени. Необходимо, чтобы государство предоставило талантливым людям возможность реализовать себя в избранной сфере деятельности.

Превращение науки в непосредственную производительную силу требует всестороннего изучения всех возможных ее аспектов: экономического, политического, правового, организационного, управленческого, психологического, социально-философского, социологического и др. На это указывали такие исследователи науки, как С.Г. Струмилин, М.В. Глушков, И.П. Кураков, С.В. Шухардин, В.Г. Афанасьев, Г.Л. Епископосов, А.П. Кудряшов, Н.И. Дряхлов, Л.Н. Коган, В.И. Терещенко, П.А. Рачков, В.А. Дмитриенко, В.П. Каширин и ряд других.

Сейчас становится актуальной проблема преодоления информационного или математико-кибернетического подходов, в которых превалирует представление о науке как о сфере автономной, изолированной от социального бытия, что порождает функционализм в ущерб фундаментальным исследованиям. Это хорошо прослеживается на примере США, где 48% всех исследований в науке выполнены натурализованными иностранными учеными. Такое положение связано со слабой подготовкой школьных учителей математики, физики, химии, биологии, гуманитарных наук, а следствием его стало то, что лишь 25% населения знают о функциях ДНК, а чуть более 40% - о том, что существует микромир, а электрон как элементарная частица меньше атома. В нашей науковедческой литературе также не преодолен пока обо-

значенный выше подход к исследованиям в области науки¹.

В то же время, по данным науковедческих источников, остается еще много нерешенных проблем: недостаточно четко определены предмет науковедения, его структура, ключевые понятия (например, «социология науки»), связь науковедения с другими общественными науками и др.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие *выводы*:

- потребности развития научного знания обусловили появление новой отрасли научной проблематики – науковедения;

- став непосредственной производительной силой общества, наука ставит проблему всестороннего исследования тенденций развития общественного организма с целью оптимизации условий процесса его совершенствования;

- исследование науковедческой проблематики требует определения объекта и предмета науковедения, основных элементов науковедения, дифференциации понятий с выработкой соответствующих критериев;

- эффективность науковедческих исследований предопределяется, с одной стороны, заинтересованностью государства и общества в проблематике подобного рода, а с другой – наличием реальных научных сил, занимающихся данной проблематикой, главной из которых должна стать молодая наука России. Исследование тенденций развития последней автор предполагает продолжить.

ББК 87.3/2/6-63

Т.И. Бармашова

ИДЕЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА

Идея бессознательного представляла интерес для философов с давних времен – фактически с момента возникновения философии. Она выражает преимущественно диалектику осознанного и неосознанного в гносеологии. Психоанализ З. Фрейда наполнил понятие бессознательного индивидуально-психологическим содержанием, сделав акцент на психофизиологических особенностях субъектов. И только в русской философии XIX - начала XX века внимание было переключено на духовную жизнь личности, на морально-этическую проблематику. Именно в таком плане проблема бессознательного решается известным русским философом И.А. Ильиным.

В своем труде «Путь духовного обновления»² И.А. Ильин развивает теорию Фрейда, восходя в понятие бессознательного с биологического уровня на со-

циальный. Однако источник возникновения бессознательного и механизмы его проявления И.А. Ильин рассматривает иначе, чем Фрейд. Высшим вдохновителем созидательных проявлений бессознательного он считает Бога.

Говоря о вере, он подчеркивает, что о ней позволительно говорить только в том случае, если истина воспринимается глубиной нашей души. Под этим следует, видимо, предполагать бессознательное, поскольку именно с ним связывают обычно глубины души. Вера, как считает И.А. Ильин, – неизменный атрибут человеческого существования. При этом не важно, осознан факт веры человеком или не осознан. Одни люди знают и то, что они верят, и то, во что они верят, и то, на каком основании они верят. Другие верят просто, не задумываясь о каких-либо основаниях для своей веры.

¹ См. напр.: Добров Г.М. Наука о науке. – Киев, 1970.

² Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч. – М., 1993. – Т. 1.

Говоря о вере, И.А. Ильин обращает внимание на взаимодополняемость сознательного и бессознательного в ней. Преобладание одного из компонентов зависит от характера веры. В связи с этим он обращает внимание на тот факт, что в русском языке у слова «вера» есть два значения: одно связывает веру с потребностью верить, а другое – со способностью веровать. Если верят все люди (сознательно или бессознательно), то верует далеко не каждый, поскольку верование предполагает в человеке способность расположиться душой (сердцем, волею и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что дается людям в духовном опыте, что открывает им некий «путь к спасению»¹. Ворование, видимо, в большей степени основывается на сознательном моральном выборе.

В механизме веры И.А. Ильин выделяет некий духовный закон, согласно которому человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Как он полагает, человек постоянно (сознательно или бессознательно) медитирует о том предмете, в который верит. Вследствие этого душа вживается в этот предмет, а предмет, в который она верит, проникает в самую глубину души.

При этом И.А. Ильин не обособляет знание и веру. По его мнению, мышление человека только тогда на высоте, когда оно способно подниматься от конкретно-чувственного к интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиться на духовном содержании. Он придает настолько большое значение внешнему (нечувственному) опыту, что считает его истинным источником и истинной областью веры, религии и всей духовной культуры вообще².

Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры И.А. Ильин считает любовь. Понятия сознательного и бессознательного он привлекает для характеристики различных вариантов любви. По его мнению, человеку доступна двоякая любовь: любовь инстинкта и любовь духа. Они не враждебны и не противоположны, но сочетаются сравнительно редко. Отличие этих двух видов любви он видит не в том, что одна из них есть «чувственная» и потому «земная», а другая освящена «сверхчувственным» и называется «небесной» или «платонической». Различие их в том, что любовь инстинкта ищет того, что данному человеку субъективно нравится, чтобы потом слепо идеализировать это нравящееся и без всякого основания приписывать ему в воображении все возможные совершенства. Именно такая любовь относится к разряду бессознательной, слепой, незрелой.

Духовная любовь в понимании И.А. Ильина тяготеет к иному качеству, к достоинству, совершенству. Она не восхваляет слепо то, что нравится, но ищет

подлинно хорошее – доброту, благородство души, произведение высокого искусства, человека с глубоким и чистым сердцем, справедливость, мудрость, в конечном счете – божественное совершенство во всех явлениях, вещах, людях, состояниях, поступках. В то же время эта любовь не является для человека воплощением полной осознанности. Но в ней бессознательное доходит до настоящего интуитивного ясновидения, когда чувство и воображение соединяются у любящего человека и повышают силу его восприятия, пронизательность по отношению к любимому предмету. Объектом любви при этом может быть как любимый человек или любимый предмет, так и другие люди и даже весь мир.

Свою настоящую и высшую форму любовь приобретает тогда, когда она срастается с духовным опытом или прямо вырастает из него. Вместе с тем И.А. Ильин предполагает существование ее зачатков от природы³, т.е. и в отношении этого феномена можно говорить о сознательном и бессознательном. Сознательное сопровождает формирование любви в духовном опыте человека. По его мнению, априорные зачатки, предпосылки любви, скорее всего, бессознательны: «... Духовная любовь есть не что иное, как вкус к совершенству или верный духовный орган для восприятия Божественного совершенства... Зачатки такого вкуса или органа свойственны многим (если не всем!) людям «от природы», конечно, в различной степени и силе»⁴.

В трактовке морально-этической категории совести приоритет закрепляется не за рациональным и сознательным. Беду современного ему человечества И.А. Ильин видит в том, что оно как бы разучилось переживать совестной акт, весь ум и образованность подчиняя принципу целесообразности, практической пригодности, научилось ограждать себя от голоса совести. И.А. Ильин указывает на недопустимость отождествления силы положительного зова (под ним он подразумевает совесть) с так называемыми укорами совести, являющимися только ее негативными остатками, болезненным протестом вытесненного и не состоявшегося совестного акта⁵.

Как видно из сказанного, И.А. Ильин употребляет психоаналитическое понятие вытеснения. Субъектом механизма вытеснения является тот, кто испытывает в душе только неодобрительные проявления совести, наступающие после совершения дурного поступка, кто бессознательно не допускает положительных, творческих проявлений совести. При этом некоторым людям удается вытеснить в область бессознательной душевной глубины также и совестное неодобрение, а не только саму совесть, которая в этих глубинах зарождается. Получается как бы двойное

¹ Ильин И.А. Указ. соч. – С. 49.

² Там же. – С. 68.

³ Там же. – С. 72-75.

⁴ Там же. – С. 75-76.

⁵ Там же. – С. 112-116.

привлечение бессознательного для сохранения душевного спокойствия личности, свободной от моральных самоистязаний.

Борьба с совестью вызывает к действию и бессознательный механизм перенесения. Отвращение к совести может перенестись с совестного переживания и на то, к чему она призывает. В таком случае идея истинных ценностей (добра, добродетели и т.д.) становится ненавистной, что ведет к циничности, черствости и холодности души. И.А. Ильин даже видит связь данного механизма с практикой классовой борьбы, а не только с системой моральных ценностей человека.

При неудачной попытке вытеснить укоры совести и подавить саму совесть возникает дисгармония внутреннего мира личности. И она тем сильнее, чем больше человек предрасположен к добру от природы, чем он утонченнее и чувствительнее. И.А. Ильин видит выход из подобной ситуации в достижении некоего компромисса: поскольку душа отказывается обманывать себя перед лицом совести, а также выносить и созерцать свою собственную нравственную недостойность, субъект предпочитает нравственную скромность как по отношению к другим людям, так и по отношению к себе¹.

Ложным путем, ведущим не к совести, а от нее, И.А. Ильин считает интеллектуализацию совестного акта. По его убеждению, логически оформленное суждение, мысль заслоняют показания совести. Это не означает, что он отвергает разум, – философ исходит из того, что земной человеческий ум, имеющий свои эмпирические соображения о целесообразности, пользе и другие, и божественная разумность, вложенная в мир людей, вещей и их отношений, различны. За первым он закрепляет свойство бессознательности (по крайней мере, в том, что имеет отношение к реализации совестного акта), за вторым – высшую осознанность, осмысленность, мудрость. Совестью акт осуществляется в порядке иррационального сосредоточения души, без всякого сознательного взвешивания различных доводов «за» и «против» и прочей рефлексии². Фактически речь идет о бессознательном проявлении совести, доведенном до автоматизма. К этому способна только сознательная душа, которая настолько сроднилась с совестью, что утратила грань между собою и ею. Таким образом, И.А. Ильин считает важным диалектическое сочетание бессознательного механизма совестного акта и сознательно действующего существа.

Совесть как состояние нравственной очевидности является, по И.А. Ильину, выражением божественного начала. Совестью акт дает разумное, минуя человеческий язык и мышление, он является своеобразным ориентиром, компасом, показывающим дорогу

в сложном мире морально-этических ценностей. В этом смысле невозможно не согласиться с И.А. Ильиным по поводу того, что неосознанность человеком мотивов поступка и влияния на него совести ни в коей мере не умаляет ее значимости в структуре личности. Совестью акт представляет глубокий и искренний разряд аффекта в эмоцию и в то же время – разряд «поддонной» (бессознательной) волевой силы, принимающей нравственное решение.

Совестью акт ведет к душевно-духовной цельности в человеке и, что важнее всего, к цельности в добре. Через него, а также через духовную любовь человек приобретает истинное бытие, стремящееся к нравственному совершенству, достойному Бога³. В этой экзистенциальной трактовке И.А. Ильина бессознательное играет роль своеобразного регулятора нравственного поведения человека. Оно защищает человека от соблазна рациональных изысков в оправдание своих поступков, не дает запутаться в сложных жизненных ситуациях в процессе морального выбора и тем самым способствует сохранению истинно человеческого в личности. Хотя И.А. Ильин использует некоторые понятия психоанализа, он наполняет их принципиально иным содержанием, чем Фрейд. Так, если понятие совести, согласно Фрейду, выражает наследуемое всем человечеством чувство вины, раскаяния, пережитое в первобытной общине сыновьями человека, убившего своего отца, то понятие совести у И.А. Ильина является воплощением лучших начал в человеке, данных ему Богом и возводящих к нему.

В иррациональной глубине души, в подсознании И.А. Ильин видит также корни правосознания. Причиной кризиса права он считает, в частности, неверное понимание правосознания: оно трактуется как осознание существующего в обществе права, как осмысленное отражение свода законов или как отсутствие способности ориентироваться в сложной системе правовых норм (в случае неразвитого правосознания). И.А. Ильин подходит более глубоко к анализу правосознания, связывая его с нравственной категорией совести, со стремлением к совершенству, к Богу как его воплощению. Правовое сознание охватывает, по его мнению, и чувство, и волю, и воображение, и всю сферу бессознательного духовного опыта. Христианство как духовное учение он считает верным средством его обновления⁴.

Действительно, христианские заповеди на протяжении веков учили людей определенному типу поведения (не убей, не укради и т.д.). Элемент повторения сформировал у христианина бессознательную уверенность в том, что он должен подавлять в себе все эмоции, желания, помыслы, поступки, греховные по своей сути. Таким образом, И.А. Ильин вновь

¹ Ильин И.А. Указ. соч. – С. 117-118.

² Там же. – С. 120-122.

³ Там же. – С. 133-139.

⁴ Там же. – С. 218-222.

обращается к психоаналитическому понятию подавления. Одновременно он говорит о другом проявлении бессознательного – об автоматизме, позволяющем правосознанию функционировать как отлаженной, отработанной системе. Бессознательно человек проецирует христианские предписания и на правовые отношения, вкладывая в их основу принципы любви, добра, справедливости. Ослабление влияния религии, согласно Ильину, порождает иррациональный кризис, «...который захватил подсознательные корни веры, нравственности, науки, искусства и правосознания»¹.

Проблему времени И.А. Ильин видит в потере иррациональной глубины души, в стремлении жить рассудком, в технократии в ущерб духовному опыту человека. Выступая поборником гуманизации человеческой жизни, И.А. Ильин негативно относится к абстрактной и формальной юриспруденции, превозносившей положительное право (как свод человеческих установлений, нередко произвольных и тенденциозных) и игнорирующей естественное право (в понимании И.А. Ильина – это верное, идеальное, совестное право). Не признавая формальное и внешнее право, он пишет: «...Право есть нечто внешнее только в том смысле, что его законы и предписания исходят... от других людей и поэтому подходят к нам как бы «извне», не спрашивая нашего согласия и налагая на нас обязанности и запреты часто вопреки нашей воле. Но творческий источник права пребывает во внутреннем мире человека; и действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается... к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения», порождая живой поступок человека². Таким образом, право как бы создается и активизируется правосознанием, а не является лишь его пассивным отражением, слепком.

Акт творческого правосознания И.А. Ильин представляет следующим образом. Существующее в глубине человеческой воли некое верное, справедливое волеуправление как бы «чувствует» права людей и добивается их осуществления в жизни. Эта способность души обозначается как первоначальное, или естественное, правосознание, чувство права или правовая интуиция. Проследившая его в филогенетическом опыте человека, он пишет: «...Первое проявление первоначального, или естественного, правосознания... скорее всего, пробуждается в людях тогда, когда дело идет о попрании их личных прав: тогда инстинкт самосохранения внезапно переходит на сторону правовой совести и человеку вдруг становится до очевидности ясным то, в чем он был склонен сомневаться всю жизнь»³. Иначе говоря, в любом случае акцентируется бессознательный характер истоков правосознания.

Естественное право, подобно совести, присуще в большей или меньшей степени каждому человеку «от природы», что означает его врожденный характер. Это напоминает идею К. Юнга о бессознательных психических структурах, содержащих прообразы основных понятий. Но если Юнг признает общетипичность содержания архетипов, то И.А. Ильин говорит о различном правосознании: либо верном, совестном, либо пренебреженном, запущенном, уродливом. Преодоление духовного кризиса человечества он видит не во внешних и формальных реформах, а в творческом развитии правосознания как в сознательном, так и в бессознательном духовном опыте личности.

Касаясь проблемы государства, И.А. Ильин сходным образом характеризует «государственное настроение» души и рассматривает его в связи с чувством родины, понятиями патриотизма и национализма. Как право, так и государство он выводит из внутреннего, духовного мира человека. Внешние меры государственной власти, будь то принуждение, подавление или расправы, он не считает определяющими сущность государства. Государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается и протекает в их душе. Разложение государства или какого-нибудь политического строя И.А. Ильин видит не во внешнем беспорядке, а во внутреннем разложении индивидов, которые не осознают эту душевную смуту, духовный распад⁴. В этой связи можно вспомнить роман М. Булгакова «Собачье сердце», герой которого профессор Преображенский рассуждает о хаосе в сердцах людей. Неосознанность, о которой говорят и И.А. Ильин, и Булгаков, деструктивна и в существенной степени является выражением массового сознания с его безликостью, аморфностью, нескритичностью.

И.А. Ильин предполагает в великом государственном деятеле умение прислушиваться к внутреннему волеизъявлению народа, который, в свою очередь, внутренним чутьем, интуитивно принимает его и идет за ним. Иррациональное государственно-политическое настроение, извлекаемое из таинственной глубины души, способствует единению власти и народа.

Помимо инстинкта самосохранения в основе государства и права И.А. Ильин видит патриотизм и национализм. Согласно его пониманию, опасность и страх побуждают человека солидаризироваться со своими близкими. Из этой солидарности возникают первые проблески правосознания, верности, патриотического настроения. Патриотизму И.А. Ильин придает свойство целесообразности и жизненной полезности. По причине того, что люди инстинктивно привыкают к окружающей их среде, природе, соседям,

¹ Ильин И.А. Указ. соч. – С. 221.

² Там же. – С. 226.

³ Там же. – С. 233.

⁴ Там же. – С. 234-235.

быту своего народа, культуре своей страны в целом, духовная сущность патриотизма остается почти всегда за порогом их сознания, то есть имеет бессознательные истоки¹.

В то же время И.А. Ильин резко выступает против проявлений инстинктивного, бессознательного патриотизма, сводящегося нередко к националистической гордыне и жажде завоеваний. Ему он противопоставляет духовно осознанный, осмысленный, христиански облагороженный патриотизм, совмещающий любовь и чувство меры. Роль инстинкта в отношении к родине и нации он при этом не умаляет, в целом оценивая его как таинственно-целесообразную, органически мудрую силу, дарованную от Бога и присущую человеку от природы. Он осуждает только слепой инстинкт – не осознанный, духовно не зрелый.

Единство инстинкта и духа в здоровой жизни человека И.А. Ильин понимает диалектически. Инстинкт без духа слеп, деструктивен. Дух, не приемлющий инстинкта, в силу своей теоретичности бесплоден и чаще всего нежизнен. Единство инстинкта и духа философ связывает со сложностью духовного опыта людей, который захватывает и сознание человека, и бессознательно-инстинктивную глубину его души. Таким образом, патриотизм И.А. Ильин понимает как чувство любви к родине, уходящее корнями в глубину бессознательного, доступ к которому открывает духовный опыт и сила духовного видения².

Диалектикой сознательного и бессознательного И.А. Ильин наделяет также истинный национализм, лишая его того негативного оттенка, который обычно приписывается национализму вообще. Он трактует его высоко – как национализм духовный, который идет не только от инстинкта национального самосохранения, но и от духа, любящего не просто свое, родное, но достойное, великое, священное родное. Подобное понимание национализма в определенной мере делает его синонимичным понятию «патриотизм».

Национализм И.А. Ильин не мыслит вне сферы бессознательного. Определяющим в национальности человека он считает уклад его инстинкта, уклад его бессознательной духовности. Поскольку уклад складывается, формируется и закрепляется прежде всего в

детстве, И.А. Ильин предлагает в процессе воспитания пробуждать бессознательное чувство к национальному духовному опыту через язык, молитву, песню, поэзию, историю, сказку и т.д.³

Обобщая представления И.А. Ильина о бессознательном, следует отметить следующее. Бессознательное он рассматривает как необходимый компонент духовной жизни человека, помещая его в иррациональные глубины души. В этом плане И.А. Ильин последовательно диалектичен. При этом он поразному оценивает роль бессознательного в зависимости от конкретного вида человеческой активности или от места в механизме формирования морально-духовного акта. Так, например, в феномене веры факт осознанности или неосознанности не меняет сути дела, если он открывает личности путь к духовному обновлению, нравственному совершенствованию. Любовь, доходящая до настоящего интуитивного ясновидения и способная отразить объективно хорошее в избраннике, тоже сводится к бессознательно-иррациональному чувству.

В трактовке совести диалектика сознательного и бессознательного более сложна. Бессознательная душевная глубина является как бы базой возникновения совестного акта, содержание которого облагораживается, одухотворяется только в том случае, когда он сливается с сознательно действующим существом. Подобным образом им трактуются правосознание, патриотизм, национализм, которые, имея иррациональные подсознательные корни, просветляются сознательным духовным опытом личности.

В основе всех этих мыслительных, поведенческих, деятельностных актов И.А. Ильин видит божественное начало, являющееся творцом бессознательных природных ориентиров, побудителей морально-духовной активности личности. По нашему мнению, религиозный оттенок решения данной проблемы не приемлем для материалистической философии. Но если источником бессознательного признать духовный опыт личности, то основные идеи И.А. Ильина о бессознательном в нравственно-духовной сфере можно оценить как существенный вклад в развитие аксиологического аспекта проблемы.

ББК 86.37

Д.Ю. Андреев

ОСОБЕННОСТИ РАСПОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ

Христианство – это одна из основных и наиболее распространенных религий мира. Ее адептов можно встретить практически на всех континентах. Эта

мировая религия абсолютно господствует в Европе, Америке, Австралии. Христианство как религия Запада составляет противовес многообразным религиозным

¹ Ильин И.А. Указ. соч. – С. 171.

² Там же. – С. 173-174.

³ Там же. – С. 201-206.